

§ 4. Продолжение предыдущего: пожалование, скуп, фаворитизм

Мы уже видели каким образом законное обращение литературного произведения в собственность ведет к обращению в собственность и самых идей. До сих пор я говорил обо всем только с точки зрения теории, теперь же покажу, что и с практической стороны весьма не трудно осуществить подобное присвоение, во многом оно даже уже и совершилось.

Вы, может быть, думаете, что те произведения литературы, которые сделались общественною собственностью еще до обнародования нового закона, останутся в прежнем положении; что они по крайней мере будут служить защитой от распространения литературной собственности и злоупотребления ею. Но все это только кажется; древние авторы тоже будут присвоены и вот каким образом:

Профессор, при издании какогонибудь греческого или латинского автора, прибавляет от себя введение, примечания, биографию автора, или словарь. Совет университета признает его издание за лучшее и с тех пор только оно одно и будет продаваться. Так как прибавления, сделанные издателем — творения его ума, то они и обращаются в собственность издателя. Всякому будет позволено перепечатывать древний текст и снабжать его какими угодно глоссами, но будет запрещено присваивать себе труд знаменитого комментатора. Следовательно конкуренция будет невозможна, прибавочное сделается главным и «Георгики», «Метаморфозы», «Письма Цицерона» — сделаются источником вечного дохода для издателя, который положительно будет в состоянии говорить: мой Вергилий, мой Овидий, мой Цицерон. Таким, или почти таким образом во Франции ведется торговля классическими книгами.

Аббат Ломонд, посвятивший всю свою жизнь воспитанию юношества и умерший в совершенной бедности продавал свои «Основные правила французской грамматики» по 50-ти сантимов. Грамматика гг. Ноеля и Шапсаля, более обширная, втрое дороже. Между тем расходы на издание этой грамматики весьма немногим превышают расходы на издание книги Ломонда. Несмотря на такое огромное различие в цене грамматика Ноеля и Шапсаля заняла первое место в ряду всех подобных изданий; она сделалась выгодным предметом торговли и конечно часто служила объектом контрафакции. Я не знаю какая грамматика

считается лучшею в настоящее время, я говорю о тридцатых годах. Грамматика гг. Ноеля и Шапсаля была для них вечным источником дохода, а между тем эти господа, занимая высшие должности в университете и получая за это приличное содержание, должны бы в замен этого посвятить государству весь свой труд, тем более что влияние их, как профессоров было конечно одною из причин распространения их грамматики. Они об одном только и думали, как бы накопить денег, а правительство потворствовало этому стремлению. В настоящее время к пожизненному вознаграждению хотят прибавить еще и вечную привилегию. Следовательно нужно проститься со всяким грамматическим сочинением, с литературною критикою, лексикографиею и т. п. Обращаясь в собственность, все становится неподвижным. При таком порядке вещей очень легко понять, каким образом сочинения, которые не могли бы просуществовать и десяти лет, будут существовать целые века. Время от времени какойнибудь министр, найдя, что такое то издание устарело, передаст одному из своих креатур привилегию продажи подобно тому, как передают из рук в руки содержание оброчных статей. И против этого ничего нельзя будет сказать. С одной стороны правительство только воспользуется своим правом, объявив, что такое то сочинение лучше другого, с другой стороны, оно не посягнет ни на конкуренцию, ни на право собственности.

Этот род пожалования может иметь самое разнообразное применение. Раз что установится такого рода литературная собственность можно положительно сказать, что самые замечательные, самые популярные сочинения никогда не сделаются общественною собственностью; наследники авторов никогда не откажутся от своей привилегии. Если же какойнибудь посредственный писатель, пользующийся благосклонностью правительства, напишет книгу, которая не будет расходиться, то правительство в видах общественной пользы купит у автора его сочинение. Таким образом фаворитизм перенесется в область свободной мысли, свободного искусства. Скажу больше, — истинная заслуга будет уничтожена, нейтрализована, благодаря подлому направлению конкуренции, возбуждаемой, в случае надобности, правительством. Пусть явится такое замечательное сочинение, которое было бы опасно запретить, но которое вместе с тем разоблачает тайные мысли и политику правительства, тотчас же сошлется на требование общественной пользы и сочинение будет изменено, очищено, урезано или даже и вовсе уничтожено путем экспроприации.

Естественно, что и в сочинениях Вольтера, Дидро, Руссо, Вольнея, есть много таких хороших, разумных, нравственных, полезных мыслей, которых жаль было бы лишиться. Как бы неприязненно правительство не относилось к философии, оно все таки не решится уничтожить всех трудов подобных писателей. С другой стороны, нельзя не сознаться, что у всех этих писателей можно встретить много ошибочного, несовременного, неверного. Кроме того, много ли таких капиталистов, которые могли бы издать семьдесят томов сочинений Вольтера, тридцать томов Руссо, двадцать пять Вольнея и т. д. Издание избранных сочинений, с прибавкою критических заметок, разбора и общего вывода, удовлетворит всем требованиям и уничтожит неудобства, представляемые полным изданием. Если подобные издания избранных сочинений, поощряемые и издаваемые правительством продаются за весьма умеренную цену, кому после того придет в голову издавать полные сочинения. Благодаря такой законной, рациональной, даже нравственной системе очень легко сделать Вольтера — верующим, Руссо — консерватором, Дидро — роялистом и т. д. Поручите г.

Ламартину издать Рабле или Лафонтена и вы увидите что он из них сделает.{16}

Таким образом в руках правительства будет жизнь и смерть литературного произведения; правительство будет в состоянии произвольно уменьшать или увеличивать срок существования книги, от него будет зависеть составить и уничтожить славу известного сочинения; все мысли, таланты, гении будут во власти правительства. Против подобной власти не устоять никакой оппозиции. Право собственности и экспроприация, конкуренция и критика будут служить правительству верными средствами для уничтожения всякой мысли, которой оно не разделяет, всякого выражения, противного его идеям. Ни в литературе, ни в философии, ни в искусстве не останется жизни и мы, подобно древним Египтянам, сделаемся народом мумий, иероглифов и сфинксов.

Версия #1

Зверобой создал 24 марта 2025 04:49:08

Зверобой обновил 24 марта 2025 04:52:00